

Рука Юань Цяньчао была изящной — под стать своему хозяину: тонкие, длинные, мертвенно-бледные пальцы. Но в этой белизне крылась леденящая душу опасность. Становилось ясно: эта рука принадлежала демоническому практику, пролившему реки чужой крови.

Едва ощутимый, исполненный благоговения поцелуй коснулся его кожи. Лян Сюань почувствовал, как ладонь обдало мимолётным жаром, а запястье овеяло влажным дыханием. Он вздрогнул, но руки он не отнял.

Эта сцена мгновенно пробудила в его памяти призрак прошлого.

Вилла Орхидея павильона на пике Чанлэ в Цинсяо-цзун. На широкой доске с тихим стуком раскатывались кости и двигались фишки — они с Син И увлечённо резались в полетные шахматы.

Классические шахматы и го оба обходили стороной — ума не хватало. Простенькие крестики-нолики или гомоку не могли удовлетворить мятежную душу Лян Сюаня, а потому он самолично начертил карту на доске, и они устроили напряжённое, захватывающее сражение в полетные шахматы.

Итог оказался плачевным: все четыре «самолёта» Син И уже вовсю летали по карте, в то время как фишки Лян Сюаня уныло толпились на старте. Ему катастрофически не везло — на кубике никак не выпадала заветная шестёрка.

— Мы же договаривались не жульничать и не использовать заклинания, — заметил Син И.

Лян Сюань выдал виртуозную тираду, состоящую из отборных ругательств на смеси нескольких языков.

Син И искренне недоумевал:

— Тебе сегодня вообще не везёт, а?

С этими словами он загнал последнюю из своих четырёх фишек прямо на финишную прямую.

Разгромно проиграв шесть партий подряд, Лян Сюань в отчаянии уронил голову на стол. Уткнувшись лицом в лакированную поверхность, он глухо, словно из бочки, пробормотал:

— Всё, я больше не играю. Даю тебе ровно три секунды, чтобы ты убрался обратно мне за спину. Видеть тебя сейчас не желаю.

Видя, как Лян Сюань со всего маху бьётся лбом о столешницу, Син И испуганно дёрнулся, намереваясь его поддержать, но, услышав приказ, тут же отдёрнул руки и состроил обиженную мину:

— Я только-только выбрался, чтобы составить тебе компанию, а ты гонишь меня обратно? Неужто я настолько уродлив?

Син И долгие годы сопровождал Лян Сюаня в качестве духа за спиной, но на третий год их сожителства внезапно обнаружил, что способен на короткое время принимать осязаемую физическую форму.

Оказалось, что внешностью парень обделён не был — очень молод и чертовски хорош собой. У него были узкие, хищные глаза с затянутой туманом пепельно-серой радужкой, ровный, точёный нос и мягкие губы приятного естественного оттенка. Из-за его юного возраста звериная повадка, укоренившаяся в самом его естестве, ещё не успела проявиться в полную силу и скрадывалась мальчишеской живостью и лёгким лукавством.

Выглядел он, прямо сказать, весьма недурно.

Вот только этот паршивец был демоническим практиком, да к тому же мертвецом. От него за версту разило злобой и замогильным холодом, а в Цинсяо-цзун подобных ему считали заклятыми врагами. Если бы Син И не научился скрывать свою ауру, находиться здесь для него было бы чистым самоубийством.

— Не то слово «уродлив», — безжалостно отозвался Лян Сюань. — Ты просто чудовищен. Страшнее атомной войны. Смотрю на тебя и плакать хочется, аж тошнота подступает.

Син И лишь обиженно фыркнул.

Лян Сюань, видя, что тот не двигается с места, отбросил шутливый тон:

— Ладно, будет тебе. Возвращайся давай. Сиди у меня за спиной и упорно качай уровень, пока не научишься безупречно маскировать ауру. Если тебя здесь кто-нибудь засечёт, то мигом упекут в клетку и утопят в пруду, и даже я тебя не откачаю.

— А я бы не отказался, чтобы они меня нашли, — мечтательно протянул Син И. — Объявил бы о нашей свадьбе прямо у всех на виду. Пусть назовут цену — я с потрохами выкуплю этот твой Цинсяо-цзун, и мы закажем такое торжество, что земля содрогнётся!

— Боюсь, это торжество плавно перетечёт в твои поминки.

Син И с такой перспективой явно согласен не был:

— С чего бы? Если я возьмусь за дело всерьёз, твой почтенный учитель мне и волоса с головы не сдует.

— Дело не в том, что сделают они, а в том, что сделаю с тобой я, — сухо парировал Лян Сюань.
— Ах ты ж пёс шелудивый... О свадьбе он, блядь, заговорил! Живьём в крематории сожгу.

— Ну и жестокий же ты, — уныло вздохнул Син И.

Он нехотя поднялся, подошёл вплотную и пару секунд смотрел на Лян Сюаня сверху вниз, после чего снова уселся прямо перед ним, скрестив ноги. Он хитро ухмыльнулся:

— Поцелуешь на прощание?

— Я тебя придушу, — монотонно пообещал Лян Сюань.

— Вот вечно ты так, — покачал головой Син И. — Когда хочешь — само очарование, душа-человек, но стоит сказать лишнее слово, как ты тут же звереешь и грозишь расправой. Откуда в тебе столько яда?

С этими словами он бесцеремонно перехватил запястье Лян Сюаня и, не обращая внимания на слабое сопротивление, притянул его руку к себе. Склонив голову, он запечатлел на белоснежной коже ладони влажный, горячий поцелуй.

Кожу обожгло щекотным, покалывающим теплом.

Лян Сюань вздрогнул, попытался вырвать руку, но хватка Син И оказалась мёртвой.

— Эй!.. — в его голосе прорезалось глухое раздражение.

В пепельно-серых глазах Син И зажглись нежные искорки, словно лунный свет в тихую ночь. Он негромко произнёс:

— У нас, демонических практиков, есть древний обычай, и у этого жеста два значения.

Он замолчал на секунду, не выпуская его руки.

— Первое: если поцеловать ладонь того, кто разделяет твой путь или поддался демоническому влиянию, возникнет резонанс, и вспыхнет алое пламя — знак того, что ты нашёл своего сородича. Второе же значение: целующий клянётся оберегать избранника от любых невзгод ценой собственной жизни. Пройти сквозь огонь и воду, лишь бы подарить тебе вечный покой. Проще говоря... я люблю тебя.

Син И заглянул ему прямо в душу:

— Если ты согласен ответить взаимностью, то просто поцелуй меня в ответ. Но учти: после этого тебе от меня уже не отделаться. Ну что, каков будет твой ответ?

Лян Сюань замер. Взгляд Син И лучился такой трепетной преданностью, сквозь которую едва заметно сквозило привычное нахальство, что спорить не хотелось.

Выждав долгую паузу, он наконец приоткрыл губы и с тихим смешком подался вперёд, подмяв наглеца под себя:

— Я думаю, тебе просто не хватает хорошей порки!

Доска перевернулась, и деревянные фишки с сухим стуком посыпались на пол.

Юань Цяньчао всё ещё держал Лян Сюаня за левую руку, ласково касаясь губами его изящных пальцев, на которых не было ни единой мозоли от меча. Шэнь Гумин, наблюдая за этой сценой, почувствовал, как в груди болезненно сжалось сердце. Дыхание перехватило, словно на грудь навалился тяжёлый валун.

Он судорожно вглядывался в лицо Лян Сюаня, силясь прочесть хоть какую-то эмоцию: отвращение, гнев, желание вырваться... Должно же быть хоть что-то!

Но тот стоял неподвижно. Даже когда его запястье сжимали чужие пальцы, Лян Сюань лишь пристально смотрел на Юань Цяньчао. Его лицо — гордое, словно высеченное из льда, способное заморозить любого, — оставалось абсолютно непроницаемым.

Ни тени раздражения, ни попытки отстраниться. Полное, безмолвное принятие.

Шэнь Гумин до боли сжал кулаки.

Прошло несколько секунд, но ладонь Лян Сюаня так и не озарилась алым свечением. Убедившись в этом, Юань Цяньчао отпустил тонкое, хрупкое запястье мастера меча и, отвесив ему уважительный поклон, повернулся к ошеломлённому буддийскому монаху:

— Мастер Тай Сюй, теперь вы убедились? Я — демонический практик. И в нашем мире каждому известно: если прикоснуться губами к ладони собрата по тьме или того, кто поддался демоническому влиянию, вспыхнет резонансный алый свет. Я проделал это с Мастером меча Цзихуа на глазах у всех присутствующих. Никакого свечения не было, а значит, он чист. Ваша клевета должна иметь хоть какие-то границы, не наступило ли время попридержать язык?

Тай Сюй вспыхнул от ярости, но он быстро взял себя в руки. Справившись с эмоциями, монах холодно процедил:

— Откуда бедному монаху знать, не прибег ли ты к какому-то грязному трюку, дабы скрыть истину?

— Лысый ты чертила, раз не смыслишь ничего, так рот бы прикрыл! — презрительно фыркнула Юй Жу. — Наш Повелитель никогда бы не опустился до жульничества! Правда прямо перед твоим носом: Вэйцы-цзюнь не имеет отношения к демонам. А ты из кожи вон лезешь, лишь бы сжить его со свету! И это великий мастер из Списка десяти святых? Ради какого-то дзенского посоха готов на любую подлость... Хех, сдаётся мне, святоша, что ты душой куда ближе к нашему демоническому сброду — злобы в тебе хоть отбавляй!

— Ах ты, дрянь!.. — взревел Тай Сюй.

— Мастер, усмирите свой гнев, — негромко вмешался Цюй Цинъюэ.

Если бы заклинатель уровня Лян Сюаня действительно пал во тьму, это неизбежно повергло бы весь мир совершенствующихся в хаос. Для демонов это стало бы величайшим благословением, для праведных орденов — сокрушительным ударом. Но теперь, когда неопровержимые доказательства были представлены публично, всем стало ясно: обвинения ложны. Ученики великих кланов, наблюдавшие за этой сценой, зашептались, понимая, какой грандиозный конфуз только что произошёл.

— Я же говорил! Вэйцы-цзюнь — образец благородства и чистоты, он ни за что не стал бы якшаться с демоническим отродьем.

— Вот именно. С какой стати Вэйцы-цзюню вставать на путь тьмы? В этом нет никакого смысла.

— Вэйцы-цзюнь провёл в уединённой медитации целое столетие. Его разум и воля должны быть тверды как скала. Как он мог пасть? Мастер Тай Сюй, вы, верно, обознались.

Шёпот одобрения прокатился по рядам учеников Цинсяо-цзун, Павильона Циюй и горы Линси. Даже вечно молчаливая, холодная как ледник Гу Фаньинь сделала шаг вперёд.

— Мастер Тай Сюй, — её чистый голос прозвучал ровно и веско. — Справедливость требует, чтобы вы принесли извинения Вэйцы-цзюню. Сделайте это, и инцидент будет исчерпан.

Тай Сюй окинул её быстрым взглядом, после чего вновь уставился на Лян Сюаня. Тот стоял, опустив взгляд и безучастно глядя перед собой, словно всё происходящее его совершенно не касалось. Монах посмотрел с яростной, неприкрытой жадой крови. Буквально процедив слова сквозь зубы, он выплюнул:

— Отребье... Всё равно вы все — проклятые еретики.

Гу Юньцзюэ нахмурился:

— Да как ты смеешь, старый хрыч!..

Казалось, он готов был ринуться в бой, чтобы силой выбить из монаха уважение. Раз уж слова не помогали, то его ранг пятого мастера в Списке десяти святых давал ему полное право проучить зарвавшегося святошу на деле.

Но не успел Гу Юньцзюэ сделать и шага, как Цюй Цинъюэ и Гу Фаньинь синхронно преградили ему путь, выставив руки перед его грудью. Девушка лишь молча покачала головой, не утруждая себя долгими объяснениями, а Цюй Цинъюэ мягко добавил:

— Молодой господин Гу, наша цель — примирение. Сейчас важнее всего замять этот конфликт, не поддавайтесь на провокации.

Гу Юньцзюэ картинно указал пальцем на Тай Сюя, всем своим видом показывая: «Я бы с радостью стёр тебя в порошок, да вот друзья не пускают»:

— Ладно! Исключительно из уважения к Сиу-цзюню я пощажу тебя на этот раз. Но запомни, лысый: если ты ещё хоть единожды посмеешь разинуть пасть на моего зятя, я лично закопаю тебя по шею в землю и посажу на твоей плешиной башке капусту!

<http://bllate.org/book/18178/1751577>